

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 352(470+571)(091)"1894/1904"

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.120-131

ЗЕМСТВО КАК ВЫЗОВ: ПАРАДОКСЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ДИСКУРСА 1894–1904 гг.

Д.А. Андреев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Аннотация

В статье анализируется парадоксальное сосуществование в правительственном дискурсе России 1894–1904 гг. двух пониманий земства: с одной стороны, как легального местного самоуправления, требующего развития и распространения на те регионы страны, где его не существует, с другой – как той среды, которая как минимум обеспечивает привыкание общества и государства к мысли о неизбежности конституционалистской перспективы. Указывается взаимосвязь обеих интерпретаций земства с политической конъюнктурой и борьбой ключевых министров и их групп. Научная новизна работы заключается в том, что в ней на основании документов, которые впервые вводятся в научный оборот или по-новому интерпретируются, демонстрируется, как на протяжении рассматриваемого времени происходила трансформация восприятия земства в правительственных кругах и как такие изменения задействовались представителями высшей бюрократии, а также влияли на формировавшиеся в обществе их образы. Полученные результаты позволяют внести коррективы в имеющиеся историографические оценки внутриполитического развития России в период с восшествия на престол Николая II и до масштабного политического кризиса 1905–1906 гг., завершившегося фундаментальным реформированием государственного устройства.

Ключевые слова: император Николай II, Министерство внутренних дел, Министерство финансов, земство, И.Л. Горемыкин, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, С.Ю. Витте

Введение

1. Создание земства как выборной структуры местного самоуправления изначально воспринималось и обществом, и бюрократией как возможный шаг в направлении ограничения самодержавия в более или менее отдаленной перспективе. С окончанием эпохи Александра III, в течение которой осмысление Великих реформ было существенно откорректировано, ассоциирование земской деятельности с продвижением к конституционным началам актуализировалось с новой силой. Эта тенденция проявилась буквально сразу после восшествия на престол Николая II. Либеральная общественность стала связывать с новым императором

надежды на возвращение к прерванной реформаторской линии его деда. Помимо соответствующих слухов, в подцензурной печати стали появляться публикации, в которых содержались не просто намеки на желательность такого рода перемен во внутривластном курсе, но и высказывания в более императивной модальности, подталкивавшие молодого государя к отказу от политики отца.

2. С особой силой попытки запрограммировать определенным образом политическую ориентацию нового царя проявились в начавшейся тогда же кампании по представлению на высочайшее имя земских адресов, в которых выражалась надежда на снятие с местного самоуправления тех ограничений, какие были на него наложены при Александре III. Вместе с тем имеются основания допустить, что завуалированный смысл этой кампании сводился к подталкиванию верховной власти к запуску преобразований, не соответствовавших действовавшему Основному закону. Об этом прямо свидетельствовал в эмиграции А.А. Кизеветтер (А, с. 142–143). В.А. Маклаков пытался оспаривать мнение А.А. Кизеветтера и доказывать, что в адресах содержался лишь призыв к престолу остановить произвол в отношении земства. Однако при этом В.А. Маклаков делал оговорки, которые могли свидетельствовать о том, что, пытаясь дезавуировать мнение А.А. Кизеветтера, он был не вполне искренен (Б, с. 134).

3. Указанными конституционалистскими подтекстами и следует объяснить резкое выступление Николая II 17 января 1895 г. перед собравшимися в Зимнем дворце депутациями. Называя «бессмысленными мечтаниями» отраженные в адресах надежды земцев на участие «в делах внутреннего управления» [1, с. 41], император имел в виду вовсе не законодательно регламентированную земскую работу по удовлетворению местных нужд, а именно прочитывавшиеся между строк этих адресов намерения выйти за очерченное самодержавием правовое поле.

4. Эта история на несколько лет вперед задала парадоксальное переплетение в российском политическом дискурсе двух пониманий земской темы – как собственно деятельности на ниве местного самоуправления и как чего-то большего, выходящего за рамки дозволенного в пределах самодержавной системы.

Обе стороны земского вызова в тверском конфликте

В новой политической реальности, созданной словосочетанием «бессмысленные мечтания», первой громкой историей, связанной с земством, стал конфликт тверских земцев с местным губернатором П.Д. Ахлестышевым. Этот конфликт явился во многом модельным для нараставшего в конце XIX – начале XX в. кризиса Российской империи, когда на противостояние между либеральными мировоззренческими установками и системой координат эпохи Александра III накладывалась не всегда окрашенная идейно, но оттого не менее жесткая борьба между отдельными представителями бюрократии и их группировками. П.Д. Ахлестышев возглавил Тверскую губернию в 1890 г., и у него сразу же не заладились отношения с земцами: охранительно ориентированный губернатор столкнулся с консолидированной земской «партией», исповедовавшей – даже при Александре III – радикальные либеральные взгляды. С воцарением Николая II конфликт начал усугубляться, в том числе из-за того, что эту «партию» скрыто поддерживал Б.В. Штюмер, бывший до 1894 г. главой тверской губернской земской управы, а в 1894 г. назначенный губернатором

в Новгород. Руководя деятельностью управы, Б.В. Штюрмер старался договариваться с земцами, и его задевала резкая манера П.Д. Ахлестышева. Когда Б.В. Штюрмер по своему положению сравнился с П.Д. Ахлестышевым, между ним и радикальными земцами сложился своего рода союз против тверского губернатора, хотя нового начальника Новгородской губернии трудно было заподозрить в приверженности либеральным взглядам. В данном случае определяющими оказались личные обиды и амбиции, стремление доказать неправоту коллеги-администратора.

Ситуация обострилась еще больше, когда осенью 1895 г. МВД возглавил И.Л. Горемыкин. Новый министр слыл законником, а значит, присущее П.Д. Ахлестышеву подозрение к земству как чему-то априорно враждебному самодержавию было ему совершенно чуждо, поскольку в правовом измерении выглядело беспочвенным. В результате возникла небывалая в политической практике Российской империи ситуация, когда в конфликте между губернатором и земцами министр внутренних дел последовательно выступал на стороне последних, а Б.В. Штюрмер превратился в исполнителя интриг против П.Д. Ахлестышева, которые отныне замышлялись в Петербурге. В итоге тверскому губернатору пришлось в 1897 г. подать в отставку, но к тому времени эта история уже получила бурную огласку в столичной печати и зажила в общественном мнении собственной жизнью. Тема земства не просто вновь обрела в политическом дискурсе как будто подзабытые за время, прошедшее после произнесения фразы о «бессмысленных мечтаниях», аллюзии, но и вышла на новый уровень политизированности из-за появившихся в некоторых изданиях противопоставлений законности и лояльности. И хотя эта тема не прозвучала в собственно правительственном дискурсе, рассчитанном на внешнюю аудиторию, в общественном мнении она оказалась прочно увязанной с положением дел в верхах [2; 3].

Земство как тема адресованного обществу министерского спора

Следующей значимой вехой в развитии правительственного дискурса о земстве стала известная полемика между И.Л. Горемыкиным и министром финансов С.Ю. Витте в конце 1898 – начале 1899 г., вызванная намерениями министра внутренних дел увеличить количество губерний с земскими учреждениями. По своему идейному накалу и продемонстрированным обеими сторонами риторическим приемам эта полемика резко выбивалась из обычного межведомственного обмена мнениями, пусть даже и по вопросу, вызывавшему разные истолкования. При этом министр внутренних дел вопреки принятым нормам делопроизводственного языка выступил с целым трактатом о значении начал самоуправления в русской истории, выдержанным в славянофильском духе [4, с. 107–111; 5, с. 37–38], а министр финансов заявил о себе как апологете бюрократического самодержавия, указав на несовместимость самоуправления и существующего в России строя [6, с. 69–81].

Земский вопрос явился для этого спора во многом лишь поводом, на самом деле столкновение министров было вызвано их давней взаимной неприязнью [7, с. 61] и отчасти конкуренцией если не за статус теневого премьера, то, во всяком случае, за роль ключевой правительственной фигуры, а нетипичная для официальных бумаг стилистика записок, которыми обменялись министры, свидетель-

ствовала о том, что оба рассчитывали на распространение своих сочинений в обществе, а через это – на наращивание собственной популярности.

Однако и в данном случае земская тема, несмотря на свой прикладной характер в этой полемике, будучи активизированной, вызвала к жизни новые ракурсы восприятия проблемы местного самоуправления, причем порой противоположные тем впечатлениям, какие записки обоих министров могли производить на первый взгляд. Так, Д.Н. Шипов в письме к Ф.Д. Самарину утверждал, что в записке С.Ю. Витте на самом деле исподволь проводилась мысль о «неизбежности конституционного режима» [5, с. 302]. А близкий к Александру III и сохранивший доверительные отношения с вдовствующей императрицей С.Д. Шереметев, напротив, назвал «почти приемом заговорщика» установку И.Л. Горемыкина «теперь задабривать земство» (В, л. 80).

Спор во многом повлиял и на дальнейшее поведение, по крайней мере, одного из его участников – С.Ю. Витте. До отставки своего оппонента министр финансов был вынужден сохранять лицо и обосновывать занятую им антиземскую позицию.

Незадолго до смены руководства МВД в конце октября 1899 г. он, понимая всю уязвимость своих доводов, особенно на фоне во многом определявших погоду в общественном мнении более или менее либеральных настроений, всё еще продолжал оправдываться. Характерны в этом отношении его слова из письма к обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву: С.Ю. Витте подчеркивал, что подразумевал не само по себе местное самоуправление, но «пагубные последствия распространения земства», хотя не помешала бы и «твердая программа действий, которая в результате делала бы земство излишним» (Г, с. 104).

В конце сентября 1899 г. военный министр А.Н. Куропаткин записал в дневнике свой разговор с С.Ю. Витте по поводу его полемики с И.Л. Горемыкиным. В ответ на слова министра финансов о министре внутренних дел как «крайне вредном деятеле» А.Н. Куропаткин возразил, что поддерживает И.Л. Горемыкина, так как тот является «охранителем» «земского устройства», в то время как С.Ю. Витте «начал борьбу против земства», а также способствовал «дальнейшему расцвету чиновничества и бюрократического решения в земстве дел». Министр финансов, похоже, не ожидал от А.Н. Куропаткина столь определенной позиции и постарался парировать инвективу в свой адрес не вполне удачным аргументом, что автором записки И.Л. Горемыкина о земстве был товарищ министра внутренних дел А.Д. Оболенский, являющийся «ярким земцем» (Д, л. 32 об. – 33).

Курьезны метания самого А.Д. Оболенского. В августе 1899 г. он в письме ставил С.Ю. Витте в упрек, что тот считает самодержавие «вершиной бюрократической пирамиды», в то время как монарх является «главой всего народа», а бюрократия представляет собой только «один из элементов» народа [5, с. 32]. А в середине октября 1899 г., за несколько дней до отставки своего начальника, А.Д. Оболенский уже пытался в письме к С.Ю. Витте на всякий случай задобрить своего идейного антипода комплиментами, называя его записку «событием значительной важности» и признавая содержащиеся в ней «осуждения» мнения министра внутренних дел «во многом справедливыми» (Е, л. 1).

Между реформаторскими начинаниями и их дискурсивным осмыслением

С назначением министром внутренних дел Д.С. Сипягина расхождения между реальной правительственной политикой в земском вопросе и ее дискурсивным оформлением стали еще более заметными. Нового руководителя МВД стали называть враждебным земству, что не соответствовало действительности. В этом вопросе (как, кстати, и во многих других) Д.С. Сипягин больше руководствовался здравым смыслом, нежели какими-то идейными штампами. С одной стороны, он действительно инициировал некоторые ограничения местного самоуправления применительно к регулированию продовольственного дела (так как земство явно не справлялось с ним надлежащим образом) и в производимых им сборах (чтобы несколько облегчить налоговое бремя населения). С другой стороны, он продолжил дело И.Л. Горемыкина, подготовив проект распространения земских начал на некоторые губернии, не имевшие самоуправления [8, с. 48–49].

С.Ю. Витте же теперь действовал в полном согласии с министром внутренних дел, поскольку не видел в нем, в отличие от И.Л. Горемыкина, конкурента своим устремлениям к лидерству в правительстве. Вместе с тем министр финансов всячески старался, чтобы весь негатив от непоследовательной земской политики связывался лишь с Д.С. Сипягиным. Отсюда и его двойственное поведение: С.Ю. Витте сотрудничал с Д.С. Сипягиным, а за глаза позволял себе о нем высказывания, недопустимые в адрес партнера. Так, осенью 1901 г. он доверительно делился с А.Н. Куропаткиным, что «любит» министра внутренних дел, но вместе с тем убежден в невозможности «держать Россию одним страхом» и «полицейскими мерами», потому что страна изменилась, ее «умственный рост» очевиден (Ж, л. 56 об.).

В конце 1901 г. А.Н. Куропаткин в дневнике резко раскритиковал проект Д.С. Сипягина об учреждении земского самоуправления в 13 неземских губерниях. Военный министр утверждал, что проект Д.С. Сипягина мог считаться земским лишь номинально, а на самом деле он был «проникнут недоверием к населению и чрезмерным доверием к чиновнику». А.Н. Куропаткин объяснял это в том числе и тем, что его «сочиняли вместе Витте и Сипягин» (Ж, л. 62 об.). Из чего следует, что министру финансов не удалось в глазах А.Н. Куропаткина полностью дистанцироваться от сложившегося у того образа министра внутренних дел.

По-видимому, в этом контексте и следует рассматривать известный диалог между С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткиным, записанный последним в дневнике 1 января 1902 г. [4, с. 93]. Министру финансов мешала не сама по себе упрямая поддержка военным министром земского строя, а то, что такая позиция неизбежно заставляла последнего испытывать настороженность в отношении антиземского прошлого С.Ю. Витте. Причем если зачарованность земской стойкостью И.Л. Горемыкина у А.Н. Куропаткина уже прошла, то связка министра финансов с псевдоземским – в глазах военного министра – проектом Д.С. Сипягина была актуальной. А это мешало С.Ю. Витте повышать уровень доверительности в отношениях с А.Н. Куропаткиным. Именно поэтому министр финансов и попытался в очередной раз открыть военному министру глаза на неизбежную для земства перспективу превратиться в силу, которая ограничивает самодер-

жавие, – и снова потерпел неудачу в переубеждении собеседника, усматривавшего угрозу самодержавию не в земстве, а в бюрократии.

Повышение градуса земского дискурса

Расклад, при котором С.Ю. Витте являлся фактически ключевой правительственной фигурой, рухнул с убийством Д.С. Сипягина, и на протяжении более года, до отставки министра финансов в середине августа 1903 г., внутриполитическая ситуация определялась его противостоянием с новоназначенным министром внутренних дел В.К. Плеве. В новейших исследованиях высказываются заслуживающие внимания оценки В.К. Плеве как гибкого и грамотного политика, готового к разумным компромиссам и к реформам, совместимым с самодержавием [9; 10; 5, с. 304–318]. С учетом этих оценок важно проследить проекции противостояния С.Ю. Витте и В.К. Плеве на земский дискурс.

Начать следует с изложения любопытного документа – письма начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова к В.К. Плеве от 9 июля 1902 г. В этом письме С.В. Зубатов делился с министром ходившими по Москве слухами.

Первый слух касался состоявшейся неделей раньше известной встречи министра внутренних дел с главой московской губернской земской управы Д.Н. Шиповым, в ходе которой глава МВД предложил собеседнику взаимный компромисс: отказ земцев от обсуждения политических вопросов в обмен на нормализацию законной деятельности местного самоуправления. В подаче С.В. Зубатова московская молва утверждала, что В.К. Плеве якобы позволил председателю московской губернской земской управы «гласно объявить» о готовности министра поддержать «все пункты земского съезда», состоявшегося полтора месяца назад, но одновременно предупредил и о бессмысленности такого шага из-за «трудности» реализации земских инициатив по причине «упорства дворцовой клики», к которой относятся вдовствующая императрица, ее фактотум С.Д. Шереметев и московский генерал-губернатор. Вслед за тем В.К. Плеве, якобы, изложил Д.Н. Шипову свою программу по земскому вопросу из нескольких пунктов. Во-первых, поддержание «мелкой земской единицы». Во-вторых, намерение «скорее уничтожить уездные земства, чем губернские», то есть позиция прямо противоположная той, какую В.К. Плеве приписывала печать. В-третьих, сдержанное отношение к церковноприходским школам. В-четвертых, согласие с Д.Н. Шиповым по поводу тенденциозности «докладов о крайней политической злобности “третьего элемента”», который на самом деле представляет собой только «идейное наследие» первоначального земства 1860-х гг. (И, л. 1–1 об.). При этом В.К. Плеве обратил преимущественное внимание на четвертый пункт выработанной на земском съезде 23–25 мая «программы» – о привлечении представителей губернских земских собраний к работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а также их включении в состав «сельскохозяйственного совета» при Министерстве земледелия (З, с. 18). По слухам, беседа завершилась просьбой В.К. Плеве к Д.Н. Шипову – а в его лице к земцам – «раскритиковать экономическую политику» министра финансов (И, л. 1 об. – 2).

Другой слух, переданный С.В. Зубатовым и тоже касавшийся земства, выглядел еще менее правдоподобным. Говорили, что после приема у В.К. Плеве Д.Н. Шипова пригласил к себе С.Ю. Витте и заявил ему, что поддерживает

решения майского земского съезда и даже готов «ежедневно» повторять императору, что с самодержавием земство несовместимо, однако вместе с тем «без земства Россия погибнет». Как будто желая поспособствовать выполнению желания В.К. Плеве, которое тот высказал Д.Н. Шипову, С.Ю. Витте попросил руководителя московской губернской земской управы о том же самом – «подвергать его политику честной критике». Министр финансов высказал убежденность в том, что такая критика будет лишь на пользу и «не фальсифицированное, а действительное общественное мнение» высоко оценит проводимую им политику. Далее С.Ю. Витте заявил о желательности обсуждения решений майского земского съезда в губернских земских собраниях для их санкционирования «мнением всей земли». Чтобы преодолеть ожидаемое «всяческое противодействие» губернаторов такому намерению, С.Ю. Витте просил Д.Н. Шипова прислать ему «пункты» съезда и обещал, что как председатель Особого совещания он «смирит губернаторов и сделает все остальное». С.В. Зубатов доводил до сведения министра внутренних дел, что председатель московской губернской земской управы уже отправил С.Ю. Витте соответствующую информацию «частным письмом».

Начальник Московского охранного отделения завершал свое письмо замечанием, что взгляды В.К. Плеве, высказанные в беседе с Д.Н. Шиповым, «удивительно умиротворили земцев и либералов», вместе с тем в их среде отношение к министру внутренних дел все еще остается осторожным после высочайшего выговора участникам земского съезда – ему «верят и не верят» (И, л. 2 – 2 об.).

В содержательном плане это письмо как собрание фантастических небывлиц под видом московских пересудов, несомненно, следует рассматривать в контексте непростых взаимоотношений С.В. Зубатова и В.К. Плеве в качестве попытки определенного воздействия на министра внутренних дел, занимавшего свой пост пока еще три с небольшим месяца и, несмотря на свое давнее присутствие в большой политике, возможно, еще не разобравшегося в каких-то ведомственных нюансах. Но помимо этого, письмо С.В. Зубатова позволяет составить впечатление о том, насколько плотно земская тема начала учитываться в раскладах сил внутри правительства и насколько поднялась температура ее обсуждения. Поэтому очевидно, что В.К. Плеве как опытный и аккуратный политик должен был предельно осторожно не только действовать в отношении земства, но и высказываться о нем.

Подробно описанный в воспоминаниях Д.Н. Любимова ялтинский спор В.К. Плеве и С.Ю. Витте о земстве и шире – о привлечении небюрократических элементов к решению управленческих вопросов – важнейшее свидетельство того, как воспринималась такая тема ключевыми на тот момент правительственными фигурами. Этот спор отчасти можно считать зеркальным отражением полемики о земстве конца 1898 – начала 1899 г., если исходить из отстаивавшихся теперь министром внутренних дел и министром финансов точек зрения. Однако подобная обратная аналогия допустима именно лишь отчасти. Аргументация С.Ю. Витте, ратовавшего за «увенчание здания» и за «сочувствие общества» правительству мало походила на славянофильские доводы И.Л. Горемыкина. Настороженное отношение В.К. Плеве к «общественным элементам» еще меньше имело общего с виттевской апологией бюрократического самодержавия. Но важнее другое:

позиции обеих сторон спора стали намного ближе друг к другу, чем они были более трех с половиной лет назад. Расхождения свелись к минимуму: В.К. Плеве допускал обращение к «общественным элементам», правда, как экспертам – «для совета и содействия правительству», – но не инкорпорированным в структуры, принимающие управленческие решения. На фоне такого конкретного допущения предложения С.Ю. Витте выглядели гораздо более расплывчатыми, но вместе с тем не противоположными тому, о чем говорил его оппонент (К, с. 76–80).

Земский дискурс В.К. Плеве представлял собой как бы размышления вслух о том, как именно и на каких условиях превращать «общественные элементы» в советчиков, делящихся своими знаниями и опытом, но не подпускаемых к непосредственным рычагам управления. Сама манера таких открытых размышлений настраивала на доверительную беседу и становилась их незаменимым элементом.

Например, 17 апреля 1903 г. Л.А. Тихомиров записал в дневнике, что несколько дней назад его начальник – редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут – виделся с В.К. Плеве и тот поведал журналисту, что намерен «оставить губернское земство по названию», лишив его при этом «всех серьезных функций», а в вопросе об уездном земстве глава МВД «доселе колеблется» (Л, л. 163 об.).

Подобным же доверительным образом министр выстраивал свой земский дискурс и с теми, кто считался его идейными оппонентами. К.Ф. Шацилло, а за ним и К.А. Соловьёв, излагая обмен мнениями, состоявшийся 2 мая 1903 г. между умеренным участником кружка «Беседа», звенигородским уездным предводителем дворянства П.С. Шереметевым и В.К. Плеве, цитируют по составленному графом описанию встречи больше гостя министра, считавшего земство «основой самодержавия» [11, с. 139; 12, с. 75, 132–133; 5, с. 33–34]. Между тем В.К. Плеве тогда произнес важное для понимания его взглядов суждение. По его словам, он, в бытность товарищем министра внутренних дел, при подготовке «Положения» 1890 г. разделял «идею о необходимости самоуправления для самодержавия», однако на данный момент не склонен так считать. «Слишком мало элементов в местной жизни, – объяснил В.К. Плеве П.С. Шереметеву причину перемены своей точки зрения. – Жизнь не сложилась в определенные рамки» (М, л. 3 об.).

После гибели В.К. Плеве Ф.Д. Самарин в письме к А.А. Кирееву вспоминал, как покойный министр внутренних дел несколько раз принимал его. В.К. Плеве обычно расспрашивал или просил написать записку, при этом сам он говорил мало, и всякий раз Ф.Д. Самарину приходилось угадывать взгляды собеседника, отталкиваясь от «некоторых намеков» или формулировок вопросов. Однако все эти контакты не повлекли за собой «никаких практических результатов»: все предложения Ф.Д. Самарина были проигнорированы министром. Из этого корреспондент А.А. Киреева делал вывод, что В.К. Плеве приглашал его по соображениям «политического свойства». Когда министр разобрался в мировоззренческих установках приглашаемого им общественного деятеля-славянофила, он «понял ошибочность своих расчетов» (Н, л. 38). Ф.Д. Самарин, по-видимому, не знал, что В.К. Плеве причислял его к числу людей, среди которых он был «готов искать опоры» (5, с. 304–305).

В данном случае не имеет значения, насколько в каждом из перечисленных примеров В.К. Плеве был искренен и говорил собеседникам то, что он действительно думал. Важно другое: из его публичного земского дискурса следовало, что он пребывал в поиске оптимальных с его точки зрения способов использования земских начал и не скрывал от собеседников такого своего поискового состояния.

Заключение

С самого начала царствования Николая II в восприятии земства с новой силой стал присутствовать (неважно, в позитивном или негативном выражении) конституционалистский подтекст. Просто земство – такое, каким оно существовало в действительности, – осталось в публичном дискурсе и даже усилило свое присутствие в нем по причине объективной необходимости развивать местное самоуправление и распространять его на те территории империи, где его не было. Однако такой деловой, рутинный взгляд на земство также стал соотноситься с динамично менявшейся политической конъюнктурой и в таком измененном виде влиять на текущую повестку. С особой силой оба этих взаимосвязанных процесса проявились в дискурсе правительственных и связанных с ними кругов, для которых земство, таким образом, явилось своего рода вызовом – и в плане развития начал реформы 1864 г., которую, несмотря на внесенные в нее исправления, никто не собирался отменять, и в смысле политических ассоциаций, ставших неотделимыми от слова «земство» после царской речи о «бессмысленных мечтаниях».

Источники

- А – *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. – М.: Искусство, 1996. – 396 с.
- Б – *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): в 3 ч.: Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия» на 1936 г. – Париж: Журн. «Ил. Россия», 1936. – Ч. 1. – 246 с.
- В – *Шереметев С.Д.* Дневник. 1899 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5045.
- Г – Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.) // Красный архив. – 1928. – Т. 5 (30). – С. 89–116.
- Д – *Куропаткин А.Н.* Дневник. 30 мая 1899 г. – 31 октября 1900 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 1889. 125 л.
- Е – Письмо Оболенского А.Д. Витте С.Ю. 14 октября 1899 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622. Оп. 1. Д. 453. 4 л.
- Ж – *Куропаткин А.Н.* Дневник. 1900–1901 гг. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1896. 69 л.
- З – Общеземский съезд 23–25 мая 1902 года. Москва (Из воспоминаний Д.Н. Шипова) // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 11–20.
- И – Письмо С.В. Зубатова В.К. Плеве. 9 июля 1902 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 725. 2 л.
- К – *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. – М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. – 560 с.
- Л – *Тихомиров Л.А.* Дневник. 1 сентября 1902 г. – 1 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 11. 208 л.

- М – Запись гр. П.С. Шереметева беседы его с министром внутренних дел В.К. Плеве о внутренней жизни России // РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 465.
- Н – Письма Ф.Д. Самарина А.А. Кирееву // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 349. Д. 60. 88 л.

Литература

1. *Андреев Д.А.* Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 36–44.
2. *Андреев Д.А.* «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // Рос. история. – 2020. – № 1. – С. 37–50. – doi: 10.31857/S086956870008484-3.
3. *Андреев Д.А.* Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. – 2019. – № 6. – С. 60–75.
4. Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов. – Л.: Наука, 1984. – 664 с.
5. *Соловьёв К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. – М.: Полит. энцикл., 2018. – 351 с.
6. *Лукоянов И.В.* Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX – начале XX вв. и власть (проблема правого реформаторства): Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 375 с.
7. *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой-весной 1899 года // Рос. история. – 2012. – № 1. – С. 59–68.
8. *Андреев Д.А.* Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопр. истории. – 2020. – № 1. – С. 35–53. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi21.
9. *Соловьёв К.А.* В.К. Плеве: несостоявшийся реформатор // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: Сб. ст. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. – С. 149–164.
10. *Минаков А.С.* В.К. Плеве и дворянская общественность на рубеже XIX–XX вв.: дискуссии о реформах // Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2019. – С. 215–236.
11. *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. – М.: Наука, 1985. – 347 с.
12. *Соловьёв К.А.* Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899–1905. – М.: РОССПЭН, 2009. – 287 с.

Поступила в редакцию
06.04.2020

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: carpenter2005@yandex.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 3, pp. 120–131

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.120-131

**The Zemstvo as a Challenge:
Paradoxes of Governmental Discourse in 1894–1904**

D.A. Andreev

Moscow State University, Moscow, 119991 Russia

E-mail: carpenter2005@yandex.ru

Received April 6, 2020

Abstract

The paper analyzes the paradoxical coexistence of two understandings of the Zemstvo in the Russian governmental discourse during 1894–1904: it was perceived, on the one hand, as a legitimate local self-government that should be developed and implemented in the regions lacking it and, on the other hand, as an environment viable for implanting the idea of the inevitability of a constitutionalist perspective in the society and the state. The interconnection of both these interpretations with the political situation and the struggle of key ministers and their groups was discussed. The work is of particular interest and relevance, because it demonstrates how the transformation of the perception of the Zemstvo evolved in governmental circles throughout this period, how it was used by the highest bureaucracy, and how it influenced the image of the Zemstvo in the society. The research is based on documents, which were either reinterpreted or for the first time introduced into the scholarly discourse. The results enable adjustments to be made to the historiographic assessment of Russia's domestic political development from the accession to the throne of Nicholas II until the large-scale political crisis of 1905–1906, which eventually culminated in a fundamental reform of the state system.

Keywords: Emperor Nicholas II, Ministry of Interior, Ministry of Finance, Zemstvo, I.L. Goremykin, D.S. Sipyagin, V.K. Plehve, S.Yu. Witte

References

1. Andreev D.A. How “absurd” reveries became “meaningless”: On Emperor Nicholas II's appeal on 17th January, 1895. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2011, no. 2, pp. 36–44. (In Russian)
2. Andreev D.A. P.D. Akhlestshev's “case” and the battle at the top of government at the beginning of the reign of Nicholas II. *Rossiyskaya Istoriya*, 2020, no. 1, pp. 37–50. doi: 10.31857/S086956870008484-3. (In Russian)
3. Andreev D.A. Tver Governor P.D. Akhlestshev and Minister of the Interior I.L. Goremykin: Confrontation over the Zemstvo in 1896–1897. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2019, no. 6, pp. 60–75. (In Russian)
4. Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh., Dubentsov B.B. *Krizis samoderzhaviya v Rossii, 1895–1917* [Crisis of Autocracy in Russia, 1895–1917]. Leningrad, Nauka, 1984. 664 p. (In Russian)
5. Solovyov K.A. *Politicheskaya sistema Rossijskoj imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: The Problem of Lawmaking]. Moscow, Polit. Entsikl., 2018. 351 p. (In Russian)
6. Lukoyanov I.V. Projects on changes in the political system of Russia in the late 19th–early 20th centuries and authority (right-wing reformism). *Cand. Hist. Diss.* St. Petersburg, 1993. 375 p. (In Russian)
7. Andreev D.A. Student riots and struggles at the top of government in the winter and spring of 1899. *Rossiyskaya Istoriya*, 2012, no. 1, pp. 59–68. (In Russian)

8. Andreev D.A. Dmitrii Sergeevich Sipyagin. *Voprosy Istorii*, 2020, no. 1, pp. 35–53. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi21. (In Russian)
9. Solov'ev K.A. V.K. Plehve: Failed reformer. In: *Problemy reformirovaniya Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: k stoletiyu so dnya smerti S.Yu. Vitte* [Issues of Reforming Russia at the Turn of the 19th Century: In Commemoration of the Centenary of the Death of S.Yu. Witte]. St. Petersburg, Izd. Evr. Univ. S.-Peterb., 2018, pp. 149–164. (In Russian)
10. Minakov A.S. V.K. Plehve and the nobility at the turn of the 19th–20th centuries: Debates on reforms. In: *Mnogogrannyi talant istorika: Pamyati doktora istoricheskikh nauk professora Avenira Pavlovicha Korelina* [Versatile Talent of Historian: In Memory of Professor Avenir Pavlovich Korelin, Doctor of History]. Moscow, Inst. Ross. Ist. Ross. Akad. Nauk, 2019, pp. 215–236. (In Russian)
11. Shatsillo K.F. *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg.: Organizatsiya. Programmy. Taktika* [Russian Liberalism on the Eve of the Revolution of 1905–1907. Organization. Programs. Tactics]. Moscow, Nauka, 1985. 347 p. (In Russian)
12. Solovyov K.A. *Kruzhok "Beseda": v poiskakh novoi politicheskoi real'nosti, 1899–1905* [Beseda Circle: In Search of a New Political Reality, 1899–1905]. Moscow, ROSSPEN, 2009. 287 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Андреев Д.А. Земство как вызов: парадоксы правительственного дискурса 1894–1904 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 120–131. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.120-131. ⟩

⟨ **For citation:** Andreev D.A. The Zemstvo as a challenge: Paradoxes of governmental discourse in 1894–1904. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 120–131. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.120-131. (In Russian) ⟩